

Священник Евгений Зайцев

Новгородский церковно-археологический музей: от создания до фактического уничтожения

УДК 271.2-784(470.24-25)-9:069(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2025_1_288
EDN IFLIS

Аннотация: В 1912 году в Новгороде было создано церковно-археологическое общество с церковно-археологическим музеем. В его задачи входило сохранение церковных архивов и охрана церковных памятников. Особое место занимала просветительская работа. Она заключалась в распространении историко-археологических знаний, проведении лекций, экскурсий, выставок и публичных чтений. Этим занимались ведущие ученые России – почетные и действительные члены общества. После 1917 года у новой власти сложилось двоякое отношение к этой организации. С одной стороны, началась активная антирелигиозная политика, с другой – большевики объявляли себя защитниками культурных ценностей. Одной из серьезных проблем стало нахождение музея в самом центре Новгорода – в Кремле. Это помещение потребовалось для размещения там различных советских организаций. Сам музей предполагалось перевести в Юрьев монастырь. Против этого выступила жена Л. Д. Троцкого, известный музейный деятель Н. И. Седова.

Ключевые слова: Великая революция в России, Великий Новгород, церковно-археологический музей, сохранение культурных ценностей.

Об авторе: Священник Евгений Анатольевич Зайцев

Настоятель университетского храма Сретения Господня в Антониевом монастыре Великого Новгорода, и. о. заведующего кафедрой теологии НовГУ им. Ярослава Мудрого.

E-mail: Odm-vn@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8607-4809>

Для цитирования: Зайцев Е., священник. Новгородский церковно-археологический музей: от создания до фактического уничтожения // Христианское чтение. 2025. № 1. С. 288–299.

Статья поступила в редакцию 20.10.2024; одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 10.12.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2025

Priest Evgeniy Zaitsev

Novgorod Ecclesiastical-Archaeological Museum: from Creation to De Facto Elimination

UDK 271.2-784(470.24-25)-9:069(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2025_1_288
EDN IIFLIS

Abstract: In 1912, the Ecclesiastical-Archaeological Society with ecclesiastical-archaeological museum was founded in Novgorod. Its objectives included preservation of church archives and protection of church monuments. Educational activity was one of special importance. It was aimed at disseminating historical and archaeological knowledge, delivering lectures, giving excursions, holding exhibitions and public readings. These activities were carried out by leading Russian academics – honorary and full members of the society. After 1917, the new authorities developed an ambivalent attitude towards this society. On the one hand, active anti-religious policy was pursued; on the other hand, the Bolsheviks declared themselves defenders of cultural values. One of the grave problems was that the museum was located right in the center of Novgorod – in the Kremlin. The decision was made to use the building for housing various Soviet organizations. The museum itself was supposed to be moved to St. George's (Yuriev) Monastery. That decision was opposed by Leon Trotsky's wife, Natalia Sedova, a well-known museum governmental official.

Keywords: October Revolution in Russia, Veliky Novgorod, ecclesiastical-archaeological museum, preservation of cultural values.

About the author: **Priest Evgeniy Anatolievich Zaitsev**

Rector of the University Church of the Presentation of the Lord in the Antoniev Monastery (Veliky Novgorod); Acting Head of the Department of Theology at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

E-mail: Odm-vn@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8607-4809>

For citation: Zaitsev E., priest. Novgorod Ecclesiastical-Archaeological Museum: from Creation to De Facto Elimination. *Khristianskoye Chteniye*, 2025, no. 1, pp. 288–299.

The article was submitted 20.10.2024; approved after reviewing 14.11.2024; accepted for publication 10.12.2024.

История собирания, охраны и реставрации церковных древностей в Новгороде имеет более чем вековую традицию и привлекает постоянный интерес исследователей. Особенно активно эта тема стала разрабатываться в кон. XX в., когда появился более широкий доступ к архивным документам и исчезли определенные административные сложности [Григорьева, 2014; Маркина, 1991; Маркина, 2004; Маркина, Степанова, 2000; Моисеев, 2003; Моисеев, 2012; Секретарь, 2000; Степанов, 2011; Ярош, 1999; Ярош, 2000; Ярош, 2002 и др.]. Однако по сей день остается еще много не освещенных проблем, связанных с историей собирания, изучения и сохранения новгородских церковных древностей. Так, документы, связанные с попыткой советских властей закрыть церковное древлехранилище в Кремле, были рассекречены Государственным архивом Новгородской области лишь в последние годы. Именно они легли в основу этого материала.

Центр Новгородской губернии в нач. XX в. по населению был одним из самых маленьких в Российской империи. В нем проживало чуть более 25000 человек. В нем отсутствовали высшие учебные заведения, а система среднего образования была представлена лишь мужской и женской гимназиями и реальным училищем. Но многие новгородцы хорошо помнили о великом прошлом своего древнего города. В 1894 г. по инициативе Василия Степановича Передольского создается Новгородское общество любителей древности. В деле сохранности новгородских древностей у этой общественной организации особенно непростыми были отношения с духовенством и городским самоуправлением (см.: [Секретарь, 1999, 198]). Приходилось решать проблемы, связанные с памятниками архитектуры, которые подвергались разрушению, неподобающему использованию и обновлению. Далеко не все удавалось сделать.

Древние новгородские храмы постепенно разрушались от времени и от действий равнодушных людей. В. С. Передольский в докладной записке в императорскую Археологическую комиссию в 1890 г. сообщил о том, что в Юрьевом монастыре потопили, а в Антониевом монастыре сожгли несколько мешков пергаментных и бумажных рукописей, древних книг и «всякого лому», набранного по подвалам и чердакам. Это было сделано только для того, чтобы не возиться с описью «этого хлама» (цит. по: [Порфиридов, 1987, 28]).

Подобные действия причиняли невосполнимый ущерб. Возникла насущная потребность в наличии в губернии церковно-научного общества. Идея создания Новгородского церковно-археологического общества (НЦАО) и церковно-археологического музея принадлежит архиеп. Арсению (Стадницкому). Их учреждение было в немалой степени вдохновлено двумя событиями: проходившим в июле-августе 1911 г. в Новгороде XV Всероссийским Археологическим съездом и постройкой в 1912 г. Арсениевского епархиального дома. Еще до начала его строительства было запланировано, что одно из основных помещений будет предоставлено для размещения музея.

Главной целью Общества по уставу, утвержденному Св. Синодом 21 августа 1912 г., было изучение «церковно-религиозной жизни Новгородского края в прошлом и настоящем», «охрана и собирание памятников местной церковной старины».

Основными же задачами назывались следующие: тщательный разбор и описание всех церковных архивов, текущий контроль за сохранностью имеющихся документов, принятие неотложных мер по охране церковных памятников.

Особое место занимала просветительская работа. Она заключалась в распространении историко-археологических знаний, проведении лекций, экскурсий, выставок и публичных чтений. Предполагалось руководить местным духовенством в ведении церковных летописей, собирать подробные данные для церковно-статистического описания приходов Новгородской епархии.

Новгородские святыни издавна привлекали к себе паломников. Главное в паломничестве — это молитва, богослужение и поклонение святыням. Паломничество — часть религиозной жизни каждого верующего православного человека. Но в нач. XX в., особенно среди интеллигенции, появляется религиозный туризм. Главное в этом виде туризма — знакомство с историей святых мест, жизнью святых, архитектурой,

церковным искусством. Чтобы восполнить нужду в информации об истории епархии, требовалось организовать выпуск необходимой литературы, как научно-популярного плана, так и путеводителей. Поэтому в НЦАО была запланирована издательская деятельность (Устав, 1912, 1–2).

В условиях провинциального губернского города было очень сложно обеспечить высокий научный уровень создававшегося общества. Поэтому во время торжественного открытия НЦАО избираются почетные (11 человек) и действительные (6 человек) члены общества.

Среди них такие известные ученые как, например, член-корреспондент Императорской Академии наук профессор С. Т. Голубев — русский церковный историк; член-корреспондент Императорской Академии наук профессор А. А. Дмитриевский; доктор истории искусств Д. В. Айналов и др.

Рассматривая этот список, можно увидеть, насколько высокий уровень был задан новому церковно-историческому сообществу. Каждый из членов НЦАО внес существенный вклад в изучение и сохранение Новгорода и его церковных древностей. Вот лишь некоторые примеры. Д. В. Айналов в своих трудах освещает новгородскую иконописную традицию. В 1917 г. именно он обозначил влияние палеологовского искусства и стиля на развитие художественного направления в Новгороде и в первую очередь на росписи храма Успения Пресвятой Богородицы на Волотовом поле. А. А. Дмитриевский изучает новгородскую литургическую традицию и выступает с докладами на эту тему. А. И. Никольский публикует источники и на их основании пишет статьи по истории новгородских церквей и святых.

Во время второго заседания Совета НЦАО, которое проходило 8 января 1913 г., архиеп. Арсений предложил расширить круг участников заседаний. Совет постановил приглашать на заседания ректора Новгородской духовной семинарии архим. Алексия (Симанского), протоиереев Софийского собора Николая Стягова и Иоанна Семеновского, наблюдателя церковных школ П. Н. Спасского, преподавателя Новгородской духовной семинарии Е. Е. Лебедева, секретаря Новгородской духовной семинарии Д. П. Андреева, инспектора народных училищ в Новгородской губернии М. П. Пятницкого и А. И. Анисимова. Они числились «в качестве присутствующих с правом голоса». На этом же заседании их включили в состав Совета, который с 1913 по 1916 гг. состоял из 15 членов и 2–3 кандидатов к ним. На 1 января 1917 г. в Новгородское церковно-археологическое общество входило 133 члена, из них 33 почетных и 99 действительных.

Большая часть из них активно участвовала в подготовке и работе XV Археологического съезда, они являлись действительными членами Новгородского общества любителей древности. Ко времени открытия Новгородского церковно-археологического общества члены Совета имели должную подготовку и большой опыт краеведческой работы. Живое желание новгородских любителей древностей, подкрепляемое мощной теоретической базой столичных ученых, привело к зримым результатам в деле развития Новгородского церковно-археологического общества и его музея. Следует более подробно остановиться на направлениях деятельности Новгородского церковно-археологического общества и конкретных результатах.

Одним из направлений деятельности общества был поиск материалов по истории храмов и монастырей Новгородской епархии. В 1913 г. удалось найти сведения о Реконьской пустыни, храмах Спаса на Ковалева и свв. Бориса и Глеба, Мало-Кирилловском и Сквородском монастырях и других святыхнях.

Активно собирались сведения о церковных древностях и описания их (икон, утвари, книг и рукописей). Сведения получали путем отправления запросов в храмы, монастыри и духовные училища. Эта информация имела большое значение для сохранения древних предметов, которые не использовались по назначению, но имели большую историческую ценность.

Безусловно, далеко не всегда можно было заочно определить ценность предмета. Но самое главное заключалось в том, что практическая работа по выявлению

артефактов, имеющих историческую ценность, позволила Новгородскому церковно-археологическому обществу в течение нескольких лет пополнить епархиальное древлехранилище уникальными предметами.

В 1913 г. удалось получить ценные сведения об уникальном книжном собрании архиеп. Феофана (Прокоповича). Оно находилось в библиотеке Новгородской духовной семинарии. Также в 1913 г. удалось получить несколько десятков предметов из монастырей Дымского (Царские врата), Кирилло-Новоезерского (149 рукописных книг и 7 икон), Рдейской пустыни и новгородских церквей XIV в. Преображения Господня в Ковалево и Рождества Богородицы на Михалице (икона Софии Премудрости Божией), Никитской (1 Евангелие, 5 наперсных крестов и 9 панагий), Успенской (икона «Осада Новгорода суздальцами»).

С 1913 по 1918 гг. в древлехранилище поступают ценные иконы и предметы из монастырей Сыркова, Тихвинского Введенского, Юрьева, Вяжицкого, церкви св. Власия и других. С 1917 г. начинается большой приток. Поступают древние книги из библиотеки братства Святой Софии, церковная утварь и иконы из Софийского собора, а в 1921–1925 гг. — из фондов губернского музея, куда поступали церковные предметы из разных закрытых храмов и монастырей Новгородской губернии.

Еще одним важным направлением деятельности Новгородского церковно-археологического общества была борьба за реставрацию и хранение памятников архитектуры и живописи. В 1913 г. его члены фиксируют данные о плохом состоянии почитаемой иконы св. Николая Чудотворца в Никольском соборе и говорят о необходимости ее срочной реставрации. В том же году при участии членов Общества производится расчистка фресок в храме Рождества Христова на кладбище и ремонт деревянного храма св. Димитрия Солунского в Белозерском уезде. В 1914 г. Новгородскому церковно-археологическому обществу удается провести необходимые реставрационные работы в Кирилло-Белозерском монастыре и тем уберечь его от разрушения; также члены Общества приняли непосредственное участие в реставрации храма прп. Феодора Стратилата. В 1915 г. производится фиксация имеющихся разрушений в храме св. Никиты Мученика и Спасской башне Детинца. С 1916–1917 гг. члены Новгородского церковно-археологического общества активно участвуют в судьбе Нередицкого храма (Аничков). Около этого древнейшего памятника архитектуры началось строительство железной дороги, что могло крайне негативно отразиться на нем.

По просветительскому направлению деятельности Новгородского церковно-археологического общества регулярно проводились лекции, посвященные разным аспектам истории Новгородской губернии, памятникам церковной старины и др. Лекции эти имели форму публичных чтений для самого широкого круга слушателей.

Можно признать, что Церковно-археологическое древлехранилище по своей сути являлось полноценным музеем, весьма уникальным для российской провинции того времени.

Духовенство епархии активно откликалось на сбор денежных средств для Новгородского церковно-археологического общества. На эти деньги были куплены предметы, необходимые для издательской деятельности, фотоаппарат. Все работы по учету, музейному хранению и каталогизации были возложены на хранителя древлехранилища диакона Софийского собора А. В. Никифоровского. В своих воспоминаниях Николай Григорьевич Порфиридов писал: «Упоминания и благодарной памяти и заслуживает его хранитель Анатолий Васильевич Никифоровский. Он не был научным работником по подготовке и образованию. Простодушный, аккуратный и заботливый о своем музейном хозяйстве человек, своей благожелательностью и готовностью ко всяческой помощи он приобрел широкую популярность у всех, кому еще до революции и в первые годы после нее довелось работать с коллекциями музея» [Порфиридов, 1982, 249].

Списки поступающих предметов постоянно публиковались в газете «Новгородские епархиальные ведомости». В качестве отдельной брошюры вышел каталог музея. Казалось, что эта важная работа будет продолжаться, а Новгород получит столь

важный для него историко-научный центр. Но начавшиеся революционные события в России крайне негативно отразились как на членах Общества, так и на сохраняемых ими памятниках русской церковной старины.

В 1917 г. Россия вступила в новую эпоху. Разрушения Первой мировой войны не затронули Великий Новгород. Ему также повезло и во время Гражданской войны — боевые действия практически обошли его стороной. Как писал Н. Г. Порфиридов, церкви пережили революционную эпоху даже более благополучно, чем усадебные гнезда, попавшие в полосу беспощадных погромов (см.: [Порфиридов, 1921]).

Но непросто складывалась история Церковного древнехранилища в это время. Революционный, политизированный, антирелигиозный подход во многом определял направление государственной политики. В июне 1918 г. при Губернском отделе народного образования (далее также — Губобразовании, Губнаробразовании) была создана Художественно-археологическая секция. Ее важной задачей стала перестройка старых музеев, коллекции которых нуждались в расширении экспозиций. Особенно остро стоял вопрос о размещении икон.

Сразу после прихода к власти большевиков архиерейский дом перешел в руки новых хозяев. Первое время выставка оставалась на своем месте. Она находилось в ведомстве Губобразовании в составе музея. Более того, свящ. А. Никифоровский продолжал заниматься работой с коллекцией.

Однако в 1920-е гг. помещения в Кремле понадобились новым государственным учреждениям. Помещения решили освободить, а музей отправить в другое место.

В Государственном архиве новейшей истории Новгородской области хранится дело «Переписка с центральными и местными органами и Петроградским отделением Главмузея о выселении Музея церковных ценностей из Кремля в Юрьев монастырь» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296), описывающее перипетии переезда музея¹. Конфликт возник из-за помещений, которые занимал музей в самом центре города — в Новгородском кремле. На них претендовали как советские, так и губернские партийные органы. Инициатором данного переезда являлся А. П. Иванов, весьма известный антирелигиозный лектор, до революции — бывший послушник Свято-Юрьева монастыря. Он был некогда даже удостоен особой благодарности Новгородского церковно-археологического общества за разборку и приведение в порядок библиотеки и архива монастыря. После революции он порвал с Церковью, вступил в коммунистическую партию, а в 1921 г. возглавил губернское бюро Истпарта² и Музей революции. Известный новгородский музейный работник Н. Г. Порфиридов оставил о нем весьма негативные воспоминания: «А. П. Иванов, одно время сосредоточивший в своих руках и руководство лекторской работой, и заведование Губархивом³. Неожиданно „воссиявший“ на местном горизонте недавний послушник и секретарь архимандрита Юрьева монастыря, он оказался человеком недобросовестным и авантюрным и скоро был убран. Из полушутливых, полусерьезных сообщений работников Губкома⁴, мне было известно, что этот двуличный человек под флагом антирелигиозной работы вел в Губкоме кампанию против Музея древнего искусства, на помещение которого, кстати, претендовал» [Порфиридов, 1987, 77].

На общем фоне малограмотных вульгарных атеистов Иванов являлся очень опасным человеком. Он хорошо представлял себе все экспонаты музея. Был на хорошем

¹ Здесь и далее в цитатах сохранены характерные особенности орфографии и пунктуации авторов писем и телеграмм.

² Так называлась Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) — научно-исследовательское учреждение, которое занималось сбором, хранением, научной обработкой и изданием материалов по истории коммунистической партии и Октябрьской революции. Как самостоятельное учреждение Комиссия действовала в 1920–1928 гг., а ее региональные отделения — до 1939 г.

³ Губернским архивом.

⁴ Губернского комитета РКП(б).

счета у губернской власти. О нем регулярно в хвалебном тоне писала местная газета «Звезда» как о бывшем религиозном деятеле, ставшем убежденным коммунистом.

В этих условиях незаконный захват специально приспособленных музейных помещений, расположенных в самом центре города, Иванов попытался представить как безусловное благо для самого древлехранилища. Он пишет об этом официальные письма, как в Москву, так и в Петроград. Подчеркивает, что в Юрьеве им уже подобраны подходящие помещения для «музея церковной старины»: «1. Социальный отдел неправильно поместил старушек (так в документе. — *свящ. Е. З.*) монашек в настоятельские покои Юрьева монастыря. Старух нужно выселить и уплотнить в помещения Орловских корпусов или, в крайнем случае, в пустые помещения Сковородского, Клопского и Перекомского монастыря.

Настоятельские покои состоят из 6 больших комнат и громадного зала, а также мезонина.

2. Также предлагались митрополичьи покои, которые были заняты мебелью. Они вполне подходят для нужд музея и смогут его весь вместить. Даже останется место.

Мебель из покоев предлагалось перенести в одну из упраздненных церквей монастыря (Воздвижения или Неопалимой купины) и помещение монастырской библиотеки.

3. Георгиевский собор монастыря при ликвидации был объявлен музейным, и он коллективу верующих не передан, а отдан Музею. В нем по вместительности можно разместить целую коллекцию предметов» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 1).

Общий вывод письма Иванова включает в себя утверждение, что таким образом можно разом решить три задачи: основание культурного учреждения европейского уровня, успешное решение проблемы с размещением советских учреждений, борьба с религиозным дурманом. «Создадим в Юрьевом монастыре музей древностей, куда „любители старины“ могут путешествовать, как в Италию.

Мы получим нужные помещения, где и устроим более важные для строительства новой жизни учреждения.

Музей церковных древностей затемняет сознание людей, а не просвещает коммунизмом» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 1 об.).

Но сотрудники Петроградского отделения Главмузея отнеслись к такому предложению крайне отрицательно. В телеграмме в Новгород было однозначно сказано, что они категорически «против перевоза древлехранилища при бывшем доме архиепископа».

В этой ситуации прослеживается конфликт между представителями одной политической силы — коммунистами. При этом одни считают, что старое искусство должно теперь принадлежать массам, а другие вообще не видят никакой необходимости в его сохранении. «Петроградское отделение Главмузея ведет работу по поддержанию новгородских памятников. Удалось трудную работу спасения и дальнейшего охранения наладить. Гибнущие памятники собираются и собраны в музей, где они подвергаются сложной работе по их закреплению. Созданный музей-древнехранилище в бывшем архиерейском доме должен быть, во что бы то ни стало, сохранен, так как помещение, где сохранены музейные коллекции, отвечает требованиям музейных хранилищ.

Поэтому петроградское отделение Главмузея самым категорическим [образом] протестует против выселения музея в другое помещение, с просьбой к вам отменить принятое решение о выселении музея и поддержать наше общее дело хранения культурного достояния народа, защита которого является гордостью революции» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 2–2 об.).

Эту телеграмму подписал Григорий Степанович Ятманов. Тогда (с 1917 по 1928 г.) он возглавлял Петроградский (Ленинградский) отдел по делам музеев и охране памятников Наркомпроса⁵.

⁵ Народный комиссариат просвещения.

2 февраля 1922 г. на заседании коллегии Губнаробразования заслушали письменное заключение Н. Порфиридова от 23 января, в котором он заявил о необходимости связаться с центральным музейным руководством и получить от него отзывы, прежде чем принимать решение о переезде музея. «Без соблюдения этого для Губмузея не представляется и по долгу службы, и по долгу совести возможным признать постановление местных властей законным» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 3).

И тут из Москвы Новгородскому губкому РКП(б) и Губисполкому⁶ поступило распоряжение, подписанное заместителем председателя ВЦИК⁷ Авелем Енукидзе и заведующей Главмузеем Натальей Троцкой: «Ввиду громадной исторической и художественной ценности новгородского древнехранилища, имеющего общегосударственное значение, выселение музея из занимаемого им помещения недопустимо. Порча коллекций при перевозке в Юрьев монастырь непригодный для музея. Древнехранилище подлежит оставлению его в прежнем здании» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 9).

Эти события можно связать с начавшимся в Поволжье голодом и изъятием (якобы для нужд пострадавших) церковных ценностей. В марте 1922 г. в новгородской губернской газете «Звезда» было опубликовано «Воззвание к Новгородской пастве», подписанное митр. Арсением. В нем говорилось: «Пожертвования могут быть деньгами, вещами и продовольствием. Кроме того, в последнее время ввиду все более усиливающегося голода, Святейший патриарх благословил духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, приносить в жертву голодающим и драгоценные церковные украшения, не имеющие богослужебного употребления» [Арсений Стадницкий, 1922].

Но светские власти были крайне не заинтересованы в том, чтобы Церковь стала перед обществом в выгодном цвете. «Вождь Красной армии» Л. Д. Троцкий по этому поводу 26 марта 1922 г. отправил письмо В. М. Молотову: «В оценке поведения и агитации попов наблюдается большая путаница. Наши газеты приводят просто сочувственные призывы попов о помощи голодающим...

На самом же деле попы выпускают общие бессодержательные призывы о помощи голодающим в противовес декрету об изъятии ценностей» (Архивы Кремля, 1997, 159).

Троцкий однозначно потребовал: «Совершенно ясно, что во многих местах изъятие ценностей происходит фиктивно, т.е. изымают ничтожную часть ценностей, не покушаясь на главные, и таким образом достигают „мирного“ изъятия.

Во всех тех местах, где одно поверхностное изъятие произведено, нужно требовать второго изъятия полного и решительного» (Архивы Кремля, 1997, 159).

В книге воспоминаний «Моя жизнь», которая вышла уже в эмиграции, Л. Д. Троцкий так писал о работе своей жены: «Жена вошла в народный комиссариат просвещения. Ей приходилось бороться за памятники прошлого в обстановке гражданской войны. Это была нелегкая задача. Ни белые, ни красные вообще не склонны были очень заботиться об исторических усадьбах, кремлях или церквях...

Хранители дворцов и музеев обвиняли военных в недостаточном уважении к культуре, военные же и комиссары обвиняли хранителей в предпочтении мертвых вещей живым людям. Формально выходило, что я находился в непрерывном ведомственном препирательстве с собственной женой. На этот счет было немало шуток...» [Троцкий, 1991, 343–344].

Однако однозначное распоряжение из Москвы не остановило желающих захватить помещения музея. Причем А. Иванов попытался в данной ситуации спрятаться за чужие спины. В письме, адресованном «Председателю комиссии по эвакуации церковного древнехранилища т. Пожарскому» он предложил следующее: «Музей, влез не в свое дело и следует наверх сообщить, что кто противится переводу музея в Юрьев монастырь, выступает против выбранной народом власти.

⁶ Губернский исполнительный комитет.

⁷ Всероссийский центральный исполнительный комитет.

Перенос музея только расширит возможности. Появится музейный заповедник, в который любители церковной старины смогут ездить и любоваться.

С другой стороны, музей избавится от клерикальных лиц, которые вызывают нареkania и используют музей в личных целях. Губисполком принял правильное решение. Архиву предложено также приехать в Юрьев или другой монастырь.

Сдаваться нельзя следует проявлять настойчивость. На музейное сообщество не следует обращать внимание, так как оно буржуазного, не рабочего класса» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 10).

Этот совет был принят, и в Москву отправили очередную телеграмму: «Музей нам не указ. Протест музея продиктован следующим:

1. Хранитель музея священник. Он живет в помещении музея с переводом которого в Юрьев монастырь ему придется отказать или от новгородских церквей или от музея, причем в том и в другом случае он лишается квартиры.

2. Музейным сотрудникам также неудобно пешком добираться до музейной секции.

3. Мы подозреваем влияние клерикальных кругов, отношение которых к музею не носит исторического интереса, и использование музея для приезжающих в Новгород для поклонения святым мощам богомольцев» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 11).

По сути, новгородские чиновники были готовы полностью уничтожить экспонаты музея. Поскольку с тем названием, которое они предложили для музея, они там явно находиться не могли. «Местные клерикальные круги не успокоятся, и будут писать в Губмузей жалобы на вандализм Губкома. Если ЦК РКП дойдет, чтобы приняли это к сведению и также изменили название музея церковных древностей на Музей Революции в агитационных целях» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 11).

Енукидзе и Троцкая — достаточно заметные фигуры в большевистской партии (особенно муж последней. — *свящ. Е. З.*). Но новгородских чиновников это не смущает. Предгубисполкома⁸ Пакун и секретарь губкома Лещинский шлют очередную срочную телеграмму на их имя: «Просьба отменить постановление об оставлении музея в прежнем помещении, как вынесенное на основании данных только одной заинтересованной стороны. Наши объяснения следуют почтой» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 14).

В большом письме необходимость выселения музея из занимаемых им помещений аргументировалась во всех подробностях. Отмечалось, что этот вопрос ставился на протяжении нескольких лет: «Вопрос о переселении музея дело почти историческое, т.к. еще в 1919 году Церковный музей невозможно было выселить для расширения военного госпиталя, и раненные красноармейцы были скучены в одной архиерейской зале, вместе с заразными больными.

В то время, когда музей занимал свыше полутора десятков отдельных светлых комнат, причем и тогда наблюдалась демагогичность заведующих этим музеем, доказывающих, что перенести музей в соседний зал (буквально в пяти саженях), равносильно гибели музея» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 14).

Но, по утверждению новгородских чиновников, у музея было слишком много серьезных покровителей. «Все последовавшие потом попытки перенести музей в другие помещения разбивались о прочные мандаты и охранные грамоты, причем характерным является то обстоятельство, что при всякой попытке нам представляли такой аргумент, как непригодность нового помещения для нужд Музея, хотя нового помещения никто не осматривал» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 14).

Очень странная аргументация — о том, что на самом деле помещения музея совершенно не приспособлены как для размещения экспонатов, так и для нахождения там людей: «Небезынтересно, однако, указать, что в конце 1919 года, для расширения именно этого древнехранилища, комендант Новгородского укрепленного узла обороны т. Макаров уступил Музею нынешнее помещение не только по соображениям

⁸ Председатель губернского исполнительного комитета.

необходимости расширить Музей, но главным образом потому, что помещение, как сырое и холодное, не годилось для штаба» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 14).

В своих воспоминаниях Н. Порфиридов писал о том, сколько делали музейные работники в экстремальных условиях Гражданской войны без особой помощи со стороны властей. Это письмо является косвенным подтверждением его слов: «Древнехранилище в данный момент не имеет даже дров для отопления и пользуется таковыми за счет бесхозяйственного хранения топлива соседним Театром Октябрьской революции и Совпартшколы» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 16 об.).

Антирелигиозная пропаганда первых лет советской власти весьма агрессивна. Речь зачастую шла о физическом уничтожении церковного имущества. Приспособление храмов под клубы, склады или «комнату комсомольца-безбожника» (как это произошло с новгородской синагогой. — *свящ. Е. З.*) считалось не просто нормальным, а правильным с идеологической точки зрения. Подобное отношение испытал на себе и музей церковных ценностей. «В той непримиримости, которая встречается у Губмузея, в смысле нежелания перенести Древнехранилище, мы усматриваем тот же самый клерикальный дух, который кое-как смирился с расположением по соседству в архиерейском зале военного госпиталя. Труднее допускал затем устройство в этом же зале концертов. И он окончательно возмутился, когда в этом зале решено было устроить Театр Революционной сатиры» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 16 об.).

Захват музейных помещений в центре города представлялся новгородским руководителям как значимый успех в борьбе с мракобесами и врагами мировой революции: «Наше желание переместить Древнехранилище и занять его помещение под Губком, имеет право на поддержку со стороны ВЦИК еще и по тем соображениям, что отказаться от этого в данный момент, это значит дать возможность церковникам торжествовать победу над „происками детей антихриста“» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 16 об.).

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. выделял две категории преступлений: 1) направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового порядка или признаваемые ею наиболее опасными и 2) все остальные преступления. По сути, в этом письме сотрудников музея характеризовали как потенциальных государственных преступников: «Кроме того, было бы рискованно оставлять музей в нынешнем помещении еще и потому, что таковой является сборным пунктом для митрополита и его приспешников, которые под видом изучения „старинны“ легко могут использовать музей для своих антисоветских целей, пользуясь тем, что администрация Музея состоит из священника и поповских родственников» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 17).

Телеграммы, адресованные в Центральный Комитет РКП(б), шли под грифом «Совершенно секретно!». В них пытались доказать, что многие проблемы, которые не могут решить новгородские власти, связаны с дискомфортом, который они испытывают: «Неудобства помещения, занимаемые Губкомом, лишаящее нас возможности продуктивно работать, побудило искать другое, более удобное здание. Единственное помещение, которое отвечает нашим требованиям, это бывшее помещение Епархиального совета, занятое теперь музеем церковных древностей.

С согласия Губисполкома и Губнаробраза, мы решили переехать в это помещение, предварительно переселив Музей церковных ценностей в близлежащий исторический Юрьев монастырь» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 18).

Москву уверяли в том, что в Новгороде полностью осознают, что именно они собираются вывозить из Новгородского детинца: «Принимая во внимание редкую культурно-историческую ценность экспонатов музея, мы провели через президиум Губисполкома соответствующее постановление о принятии всех мер к бережному отношению этих памятников старины, к охране их во время перевозки и об отпуске 100 миллионов рублей на расходы, связанные с перевозкой» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 18).

Следует отметить, что по курсу 1922 г. эта сумма составила менее одного золотого червонца.

В ЦК РКП(б) обращались с жалобой на то, что «Петроградское отделение Главмузея, уже прислало нам телеграмму с протестом против переселения Музея, причем существеннейшим мотивом протеста является указание на мнимую приспособленность нынешнего помещения Музея специально для хранения исторических ценностей» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 18).

Эта жалоба составлена весьма профессионально. В первом и втором пункте говорится о весьма понятных вещах. Безусловно, никто из сотрудников музея не хотел терять квартиру или ходить на работу несколько километров: «1. Хранитель музея — новгородский священник — живет в помещении Музея и с переводом из такового, ему придется отказаться или от Новгородских церквей, или от музея. Причем в том и другом случае он лишается квартиры.

2. Музейная секция (Губмузей) также расположена в помещении музея, поэтому с переводом последнего она с одной стороны, лишается удобного помещения, а с другой стороны необходимо бывать в музее, который отстоит за четыре версты — вынуждает ходить это расстояние пешком» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 18).

Однако в третьем пункте говорится о якобы существующем своего рода заговоре «церковников» против советской власти: «3. Мы подозреваем влияние клерикальных кругов, отношение которых к Музею не носит исторического интереса. Музей для приезжающих в Новгород на поклонение „святым мощам“ богомольцев, является вторым отделением чудотворного паноптикума» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 18 об.).

Выражалась надежда, что на месте вывески «Музей церковных древностей» скоро появится другая — «Губком, Испарт и Музей Революции», «...так как это имеет немаловажное агитационное значение» (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296. Л. 18 об.).

Еще до революции 1917 г. Новгородское церковно-археологическое общество смогло сохранить значительную часть церковных ценностей для истории. В новых исторических условиях наиболее разумные руководители музейного сообщества пресекали попытки безответственного отношения к ним. Они стояли на позициях необходимости сбережения предметов прошлого.

При этом советские служащие на местах не понимали, что очень многие церковные ценности, оказавшиеся в музеях, советское правительство рассматривало не как национальные святыни, а как потенциальный обменный фонд. Им было можно распоряжаться в качестве валюты для торговли с зарубежными странами.

Также следует отметить, что цитированная выше переписка происходила накануне широкой кампании по изъятию церковных ценностей. Тогда сотни храмов и монастырей по всей стране подверглись полному разграблению.

Большинство сотрудников новгородских музеев были арестованы и осуждены в 1933 г. Их обвинили в том, что они умышленно сохраняли предметы религиозного культа, мечтая о возрождении религии в России.

Источники и литература

Источники

1. Аничков — *Аничков И. В.* Историческая записка о проведении московской виндавско-рыбинской железной дорогой пути мимо церкви Спаса Нередицы // Отдел письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника. Ф. 6. Оп. 1. Д. 149. Л. 185–208.

2. ГАНИНО — Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1296: Переписка с центральными и местными органами и Петроградским отделением Главмузея о выселении Музея церковных ценностей из Кремля в Юрьев монастырь.

3. Устав (1913) — Устав Новгородского церковно-археологического общества. Новгород: тип. Глушкова, 1913. 32 с.

Литература

4. Арсений Стадницкий (1922) — *Арсений (Стадницкий), митр.* Воззвание к Новгородской пастве // «Звезда». 1922. № 65.
5. Григорьева (2014) — *Григорьева Н. В.* Из истории музейного строительства в Новгородской губернии. Музей революции // Вестник НовГУ. 2014. № 83. Ч. 2. С. 13–17.
6. Маркина (1991) — *Маркина Г. К.* Обзор документов фонда Новгородского музея древностей 1865–1918 // 125 лет Новгородскому музею: Материалы науч. конф. Новгород, 1991. С. 172–183.
7. Маркина (2004) — *Маркина Г. К.* «Все эти музеи собирал своими руками, разве можно забыть эти радости?» К 100-летию со дня рождения Н. Г. Порфиридова (1893 — янв. 1980) // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. 2004. С. 136–143.
8. Маркина, Степанова (2000) — *Маркина Г. К., Степанова И. Е.* Новгородские музеи. 1917–1941 гг. К 135-летию Новгородского государственного музея-заповедника. Великий Новгород, 2000. 83 с.
9. Моисеев (2003) — *Моисеев С. В.* Новгородский церковно-археологический музей (Епархиальное церковное древлехранилище — Музей древнего искусства). 1913–1924. К 90-летию основания. Великий Новгород, 2003. 95 с.
10. Моисеев (2012) — *Моисеев С. В.* Музеи Новгородской губернии. XIX — начало XX вв. Великий Новгород, 2012. 300 с.
11. Порфиридов (1921) — *Порфиридов Н. Г.* Вести из Новгорода // Казанский музейный вестник. 1921. № 3–6.
12. Порфиридов (1987) — *Порфиридов Н. Г.* Новгород 1917–1941. Воспоминания. Л., 1987. 256 с.
13. Секретарь (1999) — *Секретарь Л. А.* Дома, события, люди (Новгород. XVIII–XX вв.). Великий Новгород, 1999. 252 с.
14. Секретарь (2000) — *Секретарь Л. А.* Деятельность Новгородского губернского музея и общества любителей древности по сохранению культурного наследия монастырей (1917–1934 гг.) // К 135-летию Новгородского государственного музея-заповедника. Великий Новгород, 2000. С. 109–118.
15. Степанов (2011) — *Степанова И. Е.* Музеи быта в Новгородских усадьбах. 1918–1941 годы. Великий Новгород, 2011. 112 с.
16. Троцкий (1991) — *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 1991. 624 с.
17. Ярош (1999) — *Ярош Л. И.* Организация музейного дела и охраны памятников в Новгородской губернии (1917–1927 гг.) // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 1999. № 1. С. 184–215.
18. Ярош (2000) — *Ярош Л. И.* Новгородские музеи в составе музейной сети Ленинградской области (1927–1944 гг.) // Новгородский архивный вестник. 2000. № 2. С. 99–124.